

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(21)

2011

Я. А. ПЕНЬКОВА

**ИМПЕРАТИВ *БУДИ* В ПАМЯТНИКАХ XV ВЕКА:
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ
МЕСТОИМЕНИЙ НА *-НИБУДЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

0. Одной из ярчайших особенностей форм императива является, как известно, способность к образованию большого количества производных значений (см., например, [Князев 2007: 109]). Так, транспонированные формы императива от глаголов *хотѣти*, *пѹстити*, *быти* (*хоти*¹, *пѹсти*², *бѹди*) в ходе истории русского языка подверглись переосмыслению: первые две — как союзы и частицы с уступительным значением, а последняя вошла в состав местоимений в качестве форманта со значением неопределенности.

Настоящая работа посвящена исследованию семантических и синтаксических особенностей транспонированных императивных форм от основы *буд-* в деловых и летописных памятниках XV в. Все глагольные образования от основы *буд-*, как показано в [Горшкова, Хабургаев 1997: 312—319; Мустафина 1984], обладают модальным значением «возможного обнаружения признака в будущем». Форма императива *буди* вызывает особый интерес, поскольку уже в ранних памятниках она фиксируется не только в императивном и оптативном значениях, но и в производном от них уступительном значении. А с XV в. в памятниках появляются не встречающиеся в текстах более раннего периода структуры с обобщенно-уступительным значением типа местоимение/наречие + *ни* + *бѹди*, из которых в дальнейшем возникают неопределенные местоимения с формантом *-нибудь*.

Эти структуры являются наиболее распространенным типом употребления *буди* в исследованных памятниках XV века: из 42-х случаев употребления *буди*, зафиксированных в московских (ДДГ) и новгородско-псковских (ГВНП) грамотах, датированных XV в., а также в Строевском списке Пск. 3 лет., в 32-х контекстах рассматриваемая форма входит в состав структуры местоимение + *ни* + *бѹди*.

¹ Об эволюции императива *хоти* см. [Потебня 1977: 180].

² Об уступительном союзе *путь*, возникшем из императива *пѹсти*, см. [Санников 2008: 445—454].

Принадлежность памятников диалектным зонам центра и северо-запада позволяет выявить различия в употреблении конструкции мест. + **ни** + **буди**, которые прослеживаются на нескольких уровнях: 1) различия в механизмах объединения частей структуры, связанные с разным просодическим статусом частицы *ни*; 2) различия в частотности употребления рассматриваемой конструкции в памятниках центра и северо-запада; 3) различия в семантических типах употребления структуры мест. + **ни** + **буди**.

Различия в просодическом статусе частицы *ни*

1. Как показано в [Зализняк 2004: 185—206], противительная частица *ни*, синонимичная более древней частице *нь* (**По погостомъ и по слободамъ, гдѣ нь соуть хр(н)стияне** Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных [Там же: 191]), может употребляться в функции релятивизатора при вопросительных или относительных местоимениях и наречиях.

С просодической точки зрения частица *ни* представляет собой энклитику, однако в редких случаях (как в ранний, так и в поздний период) она может функционировать и как проклитика [Там же: 195]. Употребляясь в качестве энклитики, *ни* может примыкать к местоимению, и возникают структуры с обобщающим значением типа ‘где бы ни’ ‘где ни’ [Там же]: ...**гдѣ ни которому будет пригоже** [Пск. 3 лет., 160, 1474 г.]. В современных русских говорах находим неопределенные местоимения и наречия, восходящие к энклитическому употреблению частицы *ни* без последующей формы императива *буди*: *куды-ни, сколько-ни, где-ни, кто-ни, как-ни* [СРНГ 21: 215].

Согласно [Зализняк 2004: 200], вариант с проклитическим *ни*, представленный в современном русском литературном языке, является более поздним. В Строевском списке Пск. 3 лет. XV — н. XVI в. еще представлен древний вариант (ср. пример выше), тогда как уже в Архивском (XVII в.) — новый [Там же].

В исследованных памятниках из 32-х случаев употребления конструкции мест. + **ни** + **буди** только 5 позволяют судить о просодическом статусе *ни*, поскольку в остальных части структуры местоимение + **ни** + **буди** не отделены друг от друга. В этих 5-ти примерах *ни* обнаруживает привязку не к местоимению, а к глагольной форме *буди*, что свидетельствует о проклитическом варианте употребления частицы. Приведем несколько примеров:

- 1) **А что еѣ купли, Романов городок, и Шокстна, и иные волости и села, в которыхъ городѣхъ ни буди**... [ДДГ, № 61 а, 1461 г.];
- 2) **А в городѣ в Переславлѣ быти, г(осподи)не, моемъ третчикъ с твоимъ намѣстникомъ з бошимъ въ д(ѣ)шегъбствѣ, и в розвои, и в татѣ с поличнымъ, и на посадѣ межъ твоихъ людей и монахъ людей, твоег(о) брата, и межъ чьихъ людей ни буди**, ино пристава дастъ твои намѣстник [ДДГ, № 84 б, 1496 г.].

Все контексты подобного рода, свидетельствующие о проклитическом употреблении частицы *ни*, представлены только в московских грамотах. В северо-западных (новгородских и псковских) грамотах примеров, показательных в этом отношении, не зафиксировано. А Строевский список Пск. 3 лет., как показано в [Зализняк 2004], напротив, свидетельствует об энклитическом употреблении *ни* в псковском диалекте XV в.

Основываясь на немногочисленных примерах из московских грамот и Пск. 3 лет., можно предположить, что проклитическое *ни* в рассматриваемой конструкции раньше появляется в московском ареале и, возможно, является особенностью говоров центра, где раньше могла зародиться тенденция к превращению структур мест. + **ни** + **буди** в местоимения со значением неопределенности (см. об этом п. 2.2). Энклитическое *ни*, по видимому, сохранялось в северо-западном ареале дольше, чем в центре, благодаря чему там могли возникать неопределенные местоимения без *буди* в составе (типа *где-ни*, *кто-ни* [СРНГ 21: 215]).

Таким образом, памятники разной локализации обнаруживают разные механизмы объединения элементов в конструкцию мест. + **ни** + **буди**, причем это различие оказывается у них не единственным свидетельством в пользу выдвинутого предположения о зарождении тенденции к возникновению новых неопределенных местоимений, включающих *буди*, в диалектной зоне центра (см. об этом п. 3).

Различия в частотности употребления мест. + **ни** + **буди** в памятниках

2. Памятники центра и северо-запада различаются частотностью употребления рассматриваемых структур. В московских грамотах, по сравнению с новгородско-псковскими, конструкция мест. + **ни** + **буди** встречается в несколько раз чаще: 22 примера в первых против 5-ти в последних при примерно равном объеме текстов. Такое же количество случаев употребления мест. + **ни** + **буди**, как в ГВНП (5 примеров), зафиксировано в Пск. 3 лет. Возможно, небольшая распространенность рассматриваемой структуры в северо-западной диалектной зоне связана также с тем, что конструкции с *буди* в части употреблений могли конкурировать там с конструкциями с *есть*.

Структуры типа местоимение + *ни* + *есть* рассмотрены на материале Пск. 3 лет. в [Шевелева 2006: 215—241], где показано, что *есть* в таком употреблении утрачивает свою самостоятельность и оказывается на пути превращения в энклитическую частицу, а структуры типа *что* + *ни* + *есть* «находятся... на пути развития, который пройдут структуры типа *что* + *ни* *буди*, где *буди* превращается в частицу и срастается с предшествующим *ни* в единый приместоименный формант» [Там же].

Таким образом, близкие по значению обобщенно-уступительные структуры с *есть* и *буди*, различающиеся только модальным значением входя-

шего в их состав глагола [Шевелева 2006: 215—241], конкурируют в рассматриваемый период в памятниках северо-западной диалектной зоны, тогда как в московских грамотах XV века указанные структуры с *есть* почти не встречаются. О конкуренции обобщенно-уступительных структур с *есть* и *буди* в ряде употреблений может свидетельствовать пример из Пск. 3 лет., в котором указанные словоформы сосуществуют в рамках одной конструкции: **и авне новгородци прогониша нашихъ, и что ни естъ боуди пищали и стягъ, и всю погравиша приправоу ратноюу, котораа ни была тоугта на станюу** ‘И тотчас новгородцы прогнали наших, и, что ни окажись: пищали и зная, и все разграбили военные запасы, все, которые были здесь в стане’ [Пск. 3 лет., 144 об., 1471г.] — в данном случае мы имеем дело с объединением сходных по своей роли частиц, аналогичным диалектному *-нибудь* [Шевелева 2006: 215—241].

Различия в семантических типах употребления мест. + ни + буди

3.1. Конструкции мест. + ни + буди семантически устроены примерно следующим образом. В них присутствует скрытое, унаследованное от императива побуждение воображаемого адресата (= Наблюдателя) совершить некий мысленный акт подстановки каждого элемента из множества в описываемую ситуацию: **кто ни буди** ‘кто ни окажись’ как бы «распадается» на ‘окажись X, окажись X1... окажись Xn’; ср. употребление повторяющегося *буди* в более ранних грамотах н. XIV в.: **А за все то взати князю у Новгорода двенадцать тысячи серебра, буди Андрееве дети, буди Машко з детьми, или Юрьи Калека и все талщики** ‘а за все то взять князю у Новгорода двенадцать тысяч серебра, будь то (окажись это) Андреевы дети, будь то (окажись то) Машко с детьми, или Юрий Калека и все заложники...’ [ГВНП, № 11, 1316 г.]. По-видимому, эта семантическая особенность унаследована словами на *-нибудь* и в современном русском языке и описывается в [Падучева 1974] как дистрибутивный компонент значения (‘свой для каждого элемента некоторого множества’).

Указанная семантическая особенность по-разному проявляется в разных типах употребления конструкции мест. + ни + буди в памятниках. Всего, по данным исследованных текстов, условно выделяются 2 такие типовые ситуации³. Одна из ситуаций предполагает наличие некоторого множества предметов или лиц, которые могут быть ее потенциальными участниками, однако подразумевается выбор только одного участника из множества возможностей, например:

- 1) **А что ми слышав в вашем добръ или в лисѣ шт кр(е)стыянина или шт инновѣрца, шт кого ни бѹди, а то ми вамъ поведати въ правдѹ**

³ Термин используется вслед за [Падучева 2004: 209—220].

‘а если я что-нибудь услышу вам на добро или во вред от христианина или от иноверца, от кого ни окажись, то мне вам о том сообщить честно’ [ДДГ, № 82 б, 1486 г.];

- 2) **А** пришлют ко мнѣ из ваше втчины, из Великог(о) Новагорода или изо Пьскова, **что ни буди**, ч(є)л(о)в(ѣ)ка или грамоты на ваше лихо, и мнѣ то сказа^{ти} вам ‘а (в случае если) пришлют ко мне из вашей вотчины, из Великого Новгорода или из Пскова, кто ни будь (ни окажись), человека (слугу) или грамоты вам во зло, мне (надлежит) об этом сказать вам’ [ДДГ, № 81 б, 1486 г.].

Прибегая к терминологии Е. В. Падучевой, назовем эту ситуацию ситуацией-альтернативой.

В [Падучева 2004: 207—220] семантика местоимений на *-нибудь* в современном русском языке описывается с помощью 4-х типовых ситуаций, в которых употребляются эти местоимения: ситуации-альтернативы (одна из возможностей на фоне других, *-нибудь* выражает «неопределенность существования»: *Если кто-нибудь тебя обидел, прости ему* [Там же]); ситуации, относящейся к плану будущего (в семантике *-нибудь* возникают дополнительные компоненты ‘невыбранность объекта’ и ‘безразличие к выбору’: *Спойте нам какой-нибудь романс* [Там же]); ситуации с неизвестным участником (в семантике появляется компонент ‘неизвестность’: *Видимо, ее встречал кто-нибудь из родственников* [Там же]); ситуации дистрибутивности («в случае многократного события с одним переменным участником»: *Каждый день кто-нибудь из нас ходил к нему в больницу* [Там же]).

Описанная нами ситуация-альтернатива подразумевает, однако, в отличие от ситуации-альтернативы для *-нибудь* местоимений в современном русском языке [Там же], более широкую семантику, включая в том числе план будущего. Для семантики рассматриваемой нами структуры в данном типе употребления не имеет принципиального значения, к какому временному плану отнесено то или иное событие, поскольку во всех контекстах подобного рода присутствует условный компонент, трансформирующий утверждение в предположение (точнее, в «нефактивное суждение, которое говорящий просит слушающего считать фактивным» [Типология 1998: 17—18]).

Этот условный компонент («указание на две возможности», согласно [Санников 2008: 414]), отсутствующий, к примеру, в уступительном *хотя*, присутствует, как кажется, в семантике структуры мест. + **ни** + **буди**. Возможно, этот условный компонент появляется у *буди* под влиянием уже существующего в языке XV в. условного *будет* (о развитии условного компонента в семантике *будет* см. [Пенькова 2009]). Однако более вероятным представляется другой вариант семантического развития *буди*. Модальное значение основы *буд-* выражает семантику потенциальности, не реализованности действия момент речи. С другой стороны, форма императива как наклонения также обозначает ситуацию потенциальную, не принадлежащую к реальному миру, благодаря чему императив может легко приобре-

тать семантику условности (о связи императива с ирреалисом см. [Добрушина 1999]). Можно предположить, что в форме *буди* типологические особенности императива накладываются на значение основы *буд-*, благодаря чему у *буди* развивается семантика условности. Этот условный семантический компонент, по-видимому, наследует формант *-нибудь*, благодаря которому в современном русском языке местоимения на *-нибудь* имеют в высказывании нереферентный статус [Падучева 2004: 210] и меняют иллокутивную функцию высказывания с утверждения на предположение: в [Кобозева 1981: 165—173] показано, что местоимение на *-нибудь* может быть единственным индикатором предположительной модальности высказывания.

Рассматриваемая конструкция в ситуации-альтернативе в памятниках северо-западной локализации встретилась всего дважды: по одному примеру в ГВНП и Пск. 3 лет., причем пример из Пск. 3 лет. относится к началу XVI в.:

- 3) **А гдѣ бѹдетъ какова хрїстіянина и[ли] на землю окупить или помочи чимъ ни бѹди, а то игумену Якимѹ и всен братьѣ с Олексѣемъ сопча** ‘А если где-нибудь окажется (случится) какого-нибудь христианина на землю выкупить или защититъ чем ни будь (ни окажись), то (сделать) игумену Якимѹ и всей братии с Алексеемъ вместе’ [ГВНП, № 294, ок. 1456 г.];
- 4) ... **ркѹчи тако: аще которыи человекъ каковъ ни бѹди, а жаловался на князя, и вы бы ꙗхали ко государю великому князю в Новгород против его великому князю бити челом** ‘... говоря так: если некоторый человек, какой ни будь (ни окажись), жаловался на князя, то вам бы поехать к государю великому князю в Новгород бити челом против него’ [Пск. 3 лет., 187 об., 1510 г.].

Остальные 8 случаев употребления рассматриваемой структуры, зафиксированные в северо-западных грамотах и Пск. 3 лет., относятся к другой типовой ситуации (см. об этом ниже, п. 2.3). В московских же грамотах, напротив, к ситуации-альтернативе относится большая часть употреблений конструкции мест. + **ни + бѹди**: 13 из 22-х (см. примеры 1—2 п. 2.2).

Рассматриваемые структуры в ситуации-альтернативе обнаруживают ряд синтаксических особенностей, которые отличают их от другого типа употребления конструкции мест. + **ни + бѹди** и одновременно сближают их с неопределенными местоимениями на *-нибудь* в современном русском языке. С одной стороны, *буди* в этих примерах еще сохраняет предикативность, а сама конструкция мест. + **ни + бѹди** выступает в роли отдельной предикативной единицы, так что говорить о начале процесса морфологизации пока не приходится. Ср. контекст, в котором местоимение **кто** из анализируемой конструкции, в отличие от других употреблений этой же структуры, не согласуется в падеже с антецедентом, выраженным именем существительным **недрѹгѹ**:

- 5) **А ѿступѣ(пишь) ѿ мене, ѿ великог(о) кн(а)зя, и ѿ моихъ дѣтенъ [к которо]мѹ нашѣмѹ недругѹ, кто ни бѹди, [ино т']вон оудѣлъ, твоя вотчина, мнѣ, великомѹ кн(а)зю 'а если отступишь от меня, от великого князя, и от моихъ детей к какому-нибудь нашему недругу, кто ни окажется (кем тот ни окажется), то твой надел, твоя вотчина, (достанется) мне, великому князю'** [ДДГ, № 52 а, 1448—1449 г.].

Однако контексты употребления структуры мест. + **ни** + **бѹди** позволяют всё же говорить о тех механизмах, благодаря которым могла зародиться тенденция к переосмыслению рассматриваемых конструкций как местоимений со значением неопределенности. Эти механизмы связаны с постепенным закреплением за структурами типа **кто/что ни бѹди** субстантивной функции и синтаксической позиции, характерной для имени существительного, а за структурами типа **какон/каков ни бѹди** — адъективной функции.

Контексты употребления структур типа **кто ни бѹди**, показательные в интересующем нас аспекте, распадаются на две категории. Во-первых, **кто ни бѹди** в ряду однородных подлежащих или дополнений, например:

- 6) **А с чѣм ко мнѣ пришлютъ из Литовские земли кн(а)зи, или пановѣ, или хто ни бѹди с какими рѣчми или з грамотами на ваше лихо, и мнѣ то сказати вам 'а (если) с чем-нибудь ко мне пришлютъ (послов) из литовской земли князья, или паны, или кто ни окажется, с какими-нибудь наговорами или грамотами вам во зло, то мне (надлежит) об этом сказать вам'** [ДДГ, № 81 б, 1486 г.];
- 7) **А что ми слышав в вашемъ добрѣ или в лисѣ вт кр(ε)стьянина или вт иноверца, вт кого ни бѹди, а то ми вамъ поведаютъ въ правдѣ 'а если я услышу о чем-нибудь вам во благо или во зло от христианина или от иноверца, от кого ни окажется, то мне вам сообщитъ без обмана'** [ДДГ, № 82 б, 1486 г.].

Конструкции подобного рода, в которых перечисляются возможные участники ситуации, а затем с помощью конструкции мест. + **ни** + **бѹди** сообщается о том, что выбор того или иного участника никак не влияет (не повлиял) на дальнейшие (прошедшие) события, в целом весьма распространены в памятниках XV века. Как кажется, подобные структуры могли оказаться одним из промежуточных этапов, ведущих от придаточного уступки к местоимению с формантом неопределенности, поскольку, оказавшись в ряду однородных членов (подлежащих, дополнений), выраженных именами существительными, рассматриваемая нами структура могла начать переосмысляться как местоимение неопределенности в субстантивной функции с примерным значением 'кто/что бы ни'. *Буди* при этом утрачивал предикативность, а вместе с ней и значение императива уступки 'кто/что ни окажется', сохраняя лишь общее значение предположительности, при-
сущее основе *буд-*.

Возможно, дальнейший этап — возникновение и распространение структур, где устраняется перечислительный ряд однородных подлежащих или дополнений, а необходимое значение неопределенности выражается не перечислением возможных вариантов и обобщением их с помощью уступительной конструкции мест. + **ни** + **бүди** (как в приведенных выше примерах), а употреблением одной рассматриваемой нами конструкции в синтаксической позиции, характерной для имени существительного, т. е. подобно тому, как употребляются неопределенные местоимения на *-нибудь* в современном русском литературном языке.

Примеры на такое употребление конструкций **кто ни бүди** также встречаем в исследованных памятниках:

- 8) **А** пришлют ко мнѣ из вашиѣ втчины, из Великог(о) Новагорода или изо Пьскова, хто ни бүди, ч(є)л(о)в(ѣ)ка или грамоты на ваше лихо, и мнѣ то сказати вам 'а (в случае если) пришлют ко мне из вашей вотчины, из Великого Новгорода или из Пскова, кто ни будь (ни окажется), человека (слугу) или грамоты вам во зло, мне (надлежит) об этом сказать вам' [ДДГ, № 81 б, 1486 г.];
- 9) **А** гдѣ бүдетъ какова хрестиянина и[ли] на землю окупить или помочи чимъ ни бүди, а то игүмену Якимү и всен братье с **Олексеѣмъ** сопча 'А если где-нибудь окажется (случится) какого-нибудь христианина на землю выкупить или зацтитить чем ни будь (ни окажется), то (сделать) игумену Якиму и всей братии с **Алексеем** вместе' [ГВНП, № 294, ок. 1456 г.];
- 10) **А** мнѣ, г(о)с(поди)нѣ, [князь ве]лики, слышев вт ког(о) ни бүди в вашем добрѣ и в лисѣ, сказат(и) вам по томү ж в правдѣ 'А мне, господин великий князь, если я услышу от кого ни будь (ни окажется) о добром для вас или о худом, (надлежит) сказать вам также без обмана' [ДДГ, № 66, ранее 1472 г.].

Благодаря тому, что рассматриваемая структура заполняет синтаксическую валентность предиката (обязательную в примерах 8 и 9) и, как правило, находится в непосредственной близости от него (как в примерах 9 и 10), у слушающего может возникнуть инференция: **кто ни бүди** — функциональный эквивалент имени существительному. Если подобные случаи оказываются подкреплены другими употреблениями, порождающими у слушающего те же самые выводы, комплекс мест. + **ни** + **бүди** функционально сближается с местоимением в субстантивной функции.

Контексты употребления структур типа **какои ни бүди**, как кажется, также демонстрируют возможный путь перехода от мест. + **ни** + **бүди** в роли независимой предикативной единицы к неопределенным местоимениям в *адъективной* функции:

- 11) [**А** что сѧ] встанет оү мене моеѣ казны, или какіѣ рүхладн моеѣ клѣтныѣ, какіѣ ни бүди, и таз то вѣсе [даю внүкү] же своеюү,

кн(а)зю Юрию 'а (если) у меня останется что-нибудь из моей казны, или какого-нибудь имущества моего домашнего, какого ни окажется, я все это даю внуку своему, князю Юрию' [ДДГ, № 57, 1451 г.];

- 12) ... ркүчи тако: аще **которыи человекъ каковъ ни буди**, а жаловался на князя, и вы бы бѣхали ко государю великому князю в Новгород против его великому князю бити челом '... говоря так: если некоторый человек, какой ни будь (ни окажется), жаловался на князя, то вам бы поехать к государю великому князю в Новгород бити челом против него' [Пск. 3 лет., 187 об., 1510 г.].

В приведенных контекстах, наряду с комплексами **каковъ/какони ни буди**, претендующими на роль неопределенного местоимения при имени существительном, употреблены местоимения **какони** и **которыи** в значении 'какой-нибудь' и 'некоторый' соответственно. Говорящий, уже употребив местоимение **какони** 'какой-нибудь', желает, по-видимому, дополнительно подчеркнуть, выделить значение 'безразличие к выбору' ('какой бы ни'), для чего использует то же местоимение в составе конструкции **какони ни буди**.

В дальнейшем, как кажется, структуры типа **какони ни буди**, употребляясь присубстантивно и синонимично другому местоимению, определяющему то же имя в предложении, начинают переосмысляться как местоимения в адъективной функции и вытесняют старые неопределенные местоименные прилагательные (по-видимому, благодаря наличию формального показателя значения неопределенности **ни буди**, отсутствующего у старых местоимений).

3.2. Еще одним типом употребления структур мест. + **ни** + **буди** является ситуация, в которой каждый упомянутый объект или каждый объект, принадлежащий к определенному классу, принимает участие в описываемых событиях. Назовем данный тип употребления ситуацией-обобщением, например:

- 1) **А что мои денги в моих селах в ршстѣх, и в пашни, и на ком ни буди**, и г(о)с(Ѹ)д(а)рь бы мой, княз(ь) велики, после моего жившга тѣх денег не велѣл взят(и) 'А что касается моих денег в моих селах, отданных в рост (под проценты), и в пашнях, и на ком ни окажется, государь бы мой, великий князь, после моей смерти этих денег не велел забрать' [ДДГ, № 80 г, ок. 1486 г.];
- 2) **Князь же великои... оу Великого Новгорода вси своа что ни буди** старины свои поимал или город или волости или боръ черныи 'Князь же великий... у Великого Новгорода все свои исконные владения отнял, что ни окажется (ни возьми): или город, или волости, или черныи бор' [Пск. 3 лет., 146, 1471 г.].

Конструкция мест. + **ни** + **буди** в данном типе употребления встречается как в московских, так и в новгородско-псковских грамотах, а также в

Пск. 3 лет. Различия между памятниками разной локализации здесь состоят в количественном соотношении с другим типом ситуаций в рамках конкретного памятника. Так, по данным исследованных текстов, употребление рассматриваемой структуры в ситуации-обобщении, по сравнению с ситуацией-альтернативой, в новгородско-псковских памятниках оказывается наиболее частотным (8 примеров из 10: 4 в ГВНП и 4 в Пск. 3 лет.). В московских грамотах употребления конструкции мест. + **ни** + **буди** в ситуации-обобщении также являются распространенными, но не преобладающими (9 случаев из 22-х).

В современном русском языке местоимения на *-нибудь* в таком контексте не употребляются (это сфера кванторов *все, любой, каждый* и т. д.). Кроме того, местоимения на *-нибудь* в современном русском языке никогда не указывают на конкретное лицо или предмет, поскольку обладают нереперентным денотативным статусом (по классификации, представленной в [Падучева 1983: 229—232]). Дистрибутивная ситуация, однако, все же имеет общие черты с той, которая представлена в рассматриваемых нами контекстах. Мест. + **ни** + **буди** в ситуации-обобщении также указывает на скрытый выбор между существующими объектами известного множества: 'кто/что ни окажись, кого/что ни возьми' — значит 'окажись X, для X верно, что P... окажись X_n, для X_n верно, что P'. Отсюда возникает импликация 'абсолютно для всех X верно, что P, причем X для каждого случая свой'. Возможно, семантический компонент 'свой для каждого элемента некоторого множества', присутствующий в толковании местоимений на *-нибудь* в современном русском языке, возникает и закрепляется за *буди* в том числе благодаря подобным употреблениям в ситуации-обобщении.

В данном употреблении структур мест. + **ни** + **буди** мы почти не находим контекстов, которые свидетельствовали бы о тенденции к превращению рассматриваемой конструкции в неопределенное местоимение (за исключением примера 8, рассматриваемого ниже). Кроме того, в отличие от контекстов, анализируемых в 2.2, порядок частей конструкции в контекстах, относящихся к 2.3, строго не закреплён: местоимение и частица могут быть разделены, ср.:

- 3) **А в городѣ в Переславѣ выти, г(осподи)не, моемѸ третникѸ с твоим намѣстником з болшим въ д(Ѹ)шегѸбствѣ, и в розвои, и в татѣѣ с поличным, и на посадуѣ меж твоих люден и моих люден, твоег(о) брата, и меж чьих люден ни бѸди, ино пристава дасть твои намѣстник** [ДДГ, № 84 б, 1496 г.].

С коммуникативной точки зрения рассматриваемая структура в данном типе употребления всегда оказывается в акцентированной позиции. Способы ее выделения могут быть различными: с одной стороны, расположение структуры непосредственно перед главной частью, синтаксическая зависимость структуры не от придаточной части, а от главной и кореферентность местоимений в главной части и в рассматриваемой конструкции, например:

- 4) **А** которым есмь дѣтем своим села подавал во чьем оудѣле ни буди, ино того и суд над тѣми селы, кому дано ‘А которым из своих детей я давал села, во чьем уделе ни окажись, того и суд (тому и вершить суд) над теми селами, кому (было) дано’ [ДДГ, № 61а, 1461—1462 г.];
- 5) **А** что еѣ купли, Романов городок, и Шокстна, и иные волости и села, в которыхъ городѣх ни буди, в том волна мога кн(л)г(и)ни ‘А что касается купленного ею, Романова городка, и Шокстны, и других волостей и сел: в каких городах ни окажись (ни возьми), в том воля моей княгини’ [ДДГ, № 61 а, 1461 г.].

Благодаря финальному расположению структуры, усиливающему значение собирательности, выраженное местоимением *все*, *буди* также может оказаться в маркированной позиции, например:

- 6) **А** вымѣнил есми Ѹ своихъ братаничевъ ихъ земли во всемъ своемъ великом княжствѣ, гдѣ ни бѣди ‘А я выменял у своих племянников их земли во всем своем великом княжестве, где ни окажись’ [ДДГ, № 85, 1497 г.];
- 7) **Се** купил игумень Варламъ... пожни, и полѣшен лѣсъ, и ловища повенецкне, гдѣ ни буди, всѣ без вывета ‘Вот купил игумен Варлам... луга, и мелкорослый лес, и места для рыбной ловли, где ни окажись, все без исключения’ [ГВНП, №313, 1465—1478 гг.];

Таким образом, для конструкции мест. + *ни* + *буди* в контекстах рассматриваемого типа характерны следующие особенности: импликация ‘абсолютно для всех X верно, что P, причем X для каждого случая свой’; более тесная связь с коррелятом главной части, нежели с коррелятом придаточной (для употреблений в составе сложноподчиненных предложений); наконец, употребление в позиции рематического выделения. Благодаря перечисленным особенностям структуры мест. + *ни* + *буди* в данных контекстах практически не обнаруживают тенденции к сближению с разрядом неопределенных местоимений.

Напротив, в контекстах, рассмотренных в п. 2.2, на *буди* никогда не падает рематический акцент (например: **А** мнѣ, г(о)с(поди)не, [князь ве]лики, слышев ѡт ког(о) ни буди ѡ вашемъ добрѣ и ѡ лисѣ, скажат(и) вам по томѣ ж в правдѣ [ДДГ, № 66, ранее 1472г.]), что в большей степени способствует в будущем морфологизации *буди* в составе неопределенных местоимений, поскольку *буди* в этом случае легче превращается в энклитику и срастается с предшествующим ему местоимением в единый комплекс.

В исследованных памятниках встретилось также 3 примера на употребление конструкции мест. + *ни* + *буди* в отрицательном контексте. Они близки по значению к другим употреблением в ситуации-обобщении и отличаются только наличием отрицания при основном предикате.

Отрицательный контекст всё же несколько влияет на семантику конструкции: в фокусе оказывается не значение всеобщности (‘каждый, лю-

бой'), как в контекстах 2.3, а значение существования, как в контекстах 2.2 ('не + [существует по крайней мере один]') (о влиянии отрицания на семантику квантора см. [Падучева 1974]).

Все эти контексты из текстов северо-западного ареала (Пск. 3 лет. и ГВНП), в московских грамотах таких примеров не зафиксировано:

- 8) **а намъ о себе тоя крѣпости оудержати не мощно попремѣжи себѣ о каковых ни бѹди церковныхъ вещей** 'А нам той твердости удержать невозможно между собой о каковых ни окажись (= ни в каком, ни в одном) церковныхъ делах' [Пск. 3 лет., 120 об. — 121, 1469 г.];
- 9) **Ивану петровицу не вступатися въ Ѡсипову отчину і в Матигорские і в выные земли, в которые ни бѹди, ни в берегахъ, ни в тоняхъ** 'Ивану Петровичу не вступаться (не нарушать границы) в Осипову вотчину, и в Матигорские, и в другие земли, в какие ни окажись (= ни в какую, ни в одну) ни на берега, ни в места рыбной ловли' [ГВНП, № 137, 1-я четв. XVв.].

Особого внимания заслуживает контекст 8. Здесь конструкция мест. + **ни + бѹди** занимает синтаксическую позицию кванторного прилагательного, однако указанная структура в данном случае не может быть проинтерпретирована как местоимение на фоне других употреблений **бѹди** исследуемого периода. Здесь придаточное **о каковых ни бѹди** разрывает предложно-падежную группу **о церковныхъ вещей** и оказывается в препозиции к этой именной группе, от которой синтаксически зависит, благодаря чему предикативность *буди* в структуре **о каковых ни бѹди церковныхъ вещей** ослабевает и вся конструкция **каковых ни бѹди** может начать восприниматься как атрибут имени **вещех**.

Рассмотренный нами контекст показывает, каким образом могла возникнуть тенденция к переосмыслению указанных конструкций с **бѹди** как местоимений. Говорящий (или пишущий) употребляет конструкцию мест. + **ни + бѹди** в качестве определительной, относящейся к какому-либо имени существительному или местоимению, однако в контекстах, подобных рассмотренному выше (ср. также примеры из п. 2.2), могут возникать другие выводы (инференции), в соответствии с которыми структура мест. + **ни + бѹди** или имя, от которого конструкция непосредственно зависит, получают другого «хозяина». В примере 8 (п. 2.2) **что ни бѹди** оказывается в синтаксической позиции субъекта при сказуемом **пришлют (А) пришлют ко мнѣ... что ни бѹди, ч(є)л(о)в(ѣ)ка или грамоты на ваше лихо**. В примере 8 (п. 2.3) сказуемое **оудержати не мощно** приобретает зависимую именную группу **о каковых ни бѹди церковныхъ вещей**, в которой рассматриваемая нами конструкция оказывается в позиции кванторного прилагательного. В структурах, подобных рассмотренным нами, в которых мест. + **ни + бѹди** перестает восприниматься как придаточное, *буди* начинает утрачивать предикативность, сохраняя только общее значение предположительности (значение основы *буди-*) в сочетании со значением дистрибутивности, вно-

симым формой императива *буди*. В дальнейшем эти инференции могут закрепляться в языке, благодаря чему возникает класс новых неопределенных местоимений на *-нибудь*.

Выводы

Подведем итоги, представив особенности употребления уступительных конструкций с **буди** в памятниках XV века с помощью таблицы:

Название памятника	В ситуации-альтернативе	В ситуации-обобщении
ДДГ	13	9
ГВНП	1	4
Пск. 3 лет.	1	4

Итак, конструкции мест. + **ни** + **буди** в московских грамотах встречаются в несколько раз чаще, чем в новгородско-псковских: 22 случая в первых и всего 5 в последних при примерно равном объеме текстов. Такое же количество употреблений (всего 5), как в ГВНП, представлено и в Пск. 3 лет. Кроме того, в московских грамотах преобладающим является употребление рассматриваемых нами конструкций в так называемых альтернативных ситуациях, близких к тем, в которых употребляются в современном русском языке неопределенные местоимения на *-нибудь*. Напротив, в памятниках северо-западного ареала такие контексты фиксируются значительно реже (по одному примеру в ГВНП и Пск. 3 лет.). В пп. 2.2—2.3 было показано, что именно употребления мест. + **ни** + **буди** в альтернативной конструкции в большей степени обнаруживают тенденцию к функциональному сближению с разрядом неопределенных местоимений.

Возможно, сама тенденция к морфологизации *буди* в составе местоимения зарождается именно в центральной диалектной зоне, где уже в XV в. частица **ни** употребляется как проклитика. На северо-западе, напротив, могли существовать свои особенности функционирования структур мест. + **ни** + **буди**, конкурирующих там со структурами на *ни есть*. Вероятно, к этим особенностям относится и возможность употребления рассматриваемых конструкций с **буди** в отрицательном контексте. А частица *ни* в северо-западной диалектной зоне могла дольше сохраняться как энклитика, благодаря чему мы находим в современных северо-западных говорах неопределенные местоимения с *ни*, но без *буди* (*где-ни, кто-ни* и под.).

Источники

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950.

Пск. 3 лет. — Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2.) М., 2000.

Литература

Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Добрушина 1999 — Н. Р. Добрушина. Ирреалис и императив // Типология и теория языка: от описания к объяснению. М., 1999.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Кобозева 1981 — И. М. Кобозева. Опыт прагматического анализа *то-* и *нибудь-* местоимений // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. № 1. 1981.

Мустафина 1984 — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте Повести временных лет: Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.

Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974.

Падучева 1983 — Е. В. Падучева. Референциальные аспекты семантики предложения // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1983.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений.) М., 2004.

Пенькова 2009 — Я. А. Пенькова. БУДЕТЬ как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII — XV веков) // Вопросы русского языкознания. Вып. XI (в печати).

Потебня 1977 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. М., 1977.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—.

Типология 1998 — Типология условных конструкций. СПб., 1998.

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола БЫТИ в Псковских летописях // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006.

YANA PEN'KOVA

IMPERATIVE *BUDI* IN THE XVth CENTURY TEXTS: TOWARDS THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF INDEFINITE PRONOUNS WITH THE COMPONENT *-NIBUD'* IN RUSSIAN

The article deals with an analysis of semantic and syntactic peculiarities of the imperative *budi* in 15th century official documents from Moscow, Novgorod and Pskov,

and in The Third Pskov Chronicle. The author makes an attempt to delineate the probable paths of grammaticalization of *буди* in the «pronoun + *ни* + *буди*» structure, from which indefinite pronouns with the *-нибудь* suffix have subsequently developed. Differences in the semantics and frequency of these structures in texts from different dialect areas (central and northwestern) allow us to hypothesize that the morphologization of *буди* initially arose in the central dialect area.

Key words: imperative *буди*, indefinite pronouns with *-нибудь* suffix, morphologization.